

В.Прокопчук

Чашка кофе с ликером

Вера Анатольевна Прокопчук

Чашка кофе с ликером

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69637639

SelfPub; 2023

Аннотация

Респектабельный дачный поселок 19 века, нарядные дачники и дачницы, предающиеся праздности. Казалось бы, что может пойти не так? Однако, не так может пойти решительно все, начиная с таинственного покушения на убийство в благородном семействе... Но детектив Полежаев и его юная помощница Верочка наверняка выведут злоумышленника на чистую воду! Книга – продолжение повести "Тайна спиритического салона «Нить Ариадны».(Для иллюстрации взяты рисунки, сгенерированные нейросетью Кандинский 2.2.)

Вера Прокопчук

Чашка кофе с ликером

Любите ли вы духовые оркестры? Ах, о чем я! Как можно их не любить! Когда медь сверкает на солнце, трубачи надуют щеки, саксофон воркует, как любовник в истоме, литавры звенят, а валторны страстно постанывают... И бодрые звуки задорных тромбонов взлетают в небо; и жизнь, кажется, совсем уж не так плоха! А вы говорили – нет надежды. Да полноте!

Духовой оркестр при станции Саврасово в 19 веке имелся; он играл в парке, разбитом перед вокзалом, бурные вальсы и марши, нагоняя на дачников, и особенно дачниц, сладкое волнение.

Кстати, о дачах и дачниках.

Знаете ли вы, что такое русские дачные поселки в девятнадцатом веке? Нет, вы не знаете этих дачных поселков!

Это были места исключительно праздности и томного безделья. Если бы в означенные времена вы взялись ехать по Петергофской дороге, то вашему взору предстала бы дивная картина: на протяжении двадцати шести верст тянулись беспрерывно особняки, украшенные эркерами и ротондами, а кое-где пагодами, фонтанами и живописными мостиками; никто из дачников не выращивал огурцов и картошки, не было никаких теплиц – люди просто наслаждались «dolce far

ниente», то есть сладостным ничегонеделаньем.

Станция возле дачного поселка Саврасово, надо заметить, была любимым местом вечерних встреч местного дачного бомонда: и на людей можно посмотреть, и себя показать. Кое-кто из дачниц встречал мужей, проживающих в городе ввиду службы и наезжающих только на воскресенье. Но большинство просто развлекалось.

Ровно в семь-тридцать появился паровоз, пыхтя во все стороны черным злым дымом. Зверски воя и тоненько под-свистывая, он приволок состав к станции.

Дверь вагона отворилась. Зиночка Лосева – темное дорожное платье с дешевой шемизеткой самодельного кружева, соломенная шляпка с ленточкой – выбралась на перрон с дамским саквояжиком и большим тяжелым сундуком. И беспокойно оглянулась по сторонам в поисках «Лео», то есть Льва Аркадьевича Каплина, сына тетушки Варвары; но увы – его нигде не было видно.

Ужасные сомнения закрались в душу бедной Зины. Она уже решила, что, видимо, вышла не на той станции; что перепутала дату и время в телеграмме, когда сообщила о дате приезда, короче – опять она что-то сделала не так!

Время шло, и публика начала понемногу расходиться. Паровоз, издав гудок и залихватски свистнув, тронулся с места, и, набирая скорость, потащил состав дальше. Чух-чух-чух – уууу! Зиночкино сердце от этого звука упало куда-то вниз: уже понимала, что скоро она останется одна на перроне.

– Извините, мсье, ведь это станция Саврасово? – взволнованно обратилась она к симпатичному душке военному, стоящему на перроне с рассеянным видом.

Вопрос был – глупее не придумаешь – ибо вывеска над станцией недвусмысленно гласила: «Станция Саврасово».

Душка военный обернулся, быстро осмотрел прехорошенькую Зиночку, и выражение рассеянности на его лице сменилось интересом.

– Точно так-с, мадемуазель.

– А дачный поселок Саврасово... он тоже здесь?

– Совершенно верно.

– Как странно, – пробормотала Зиночка.

– Что же в этом странного? – осведомился ее собеседник.

– Ну как же... меня обещали встретить, я дала телеграмму...

– Всякое бывает! Может почтальон ошибся и не туда телеграмму отнес.

– А что же делать? Тут можно найти извозчика?

– Возможно, хотя... видите ли, пока вы тут стояли, их уже разобрали.

– А нет ли у вас тут хотя бы конки?

Тут надо заметить, что дорогие дачные поселки тех времен бывали снабжены трамваем-конкой; однако душка военный в ответ на ее вопрос только качнул головой.

– Что же мне делать? – обреченно выдохнула Зина.

– А у вас есть адрес?

– Ну конечно: дом господина Протасова Сергея Дмитриевича... кстати, вы знаете, где это?

– Протасова? – ее собеседник приподнял бровь, и посмотрел на Зиночку каким-то особым взглядом, – знаю.

– И где же?

– На другом конце поселка, – отвечал ее собеседник. – Сударыня, я могу вам помочь, если вы не боитесь сесть в коляску к незнакомцу... Впрочем, другого выхода у вас все равно нет. Пойдемте.

И, подхватив Зинин сундучок, он галантно предложил даме опереться на другую его руку, добавив, – кстати, меня зовут Дмитрий Сергеевич.

– Очень приятно, Зина... Зинаида Артемьевна.

– Вы, вероятно, родственница Варвары Семеновны Капиной?

– А вы им знакомы? – обрадовалась Зиночка.

– Не очень близко, но да, знаком со всем семейством. Я видите ли, им сосед.

– О, так это хорошо. Я имею в виду, мне уж совестно было, что из-за меня вы лошадей гоняете в другой конец поселка, но если вы там рядом...

– Рядом, – кивнул Дмитрий Сергеевич, подводя даму к новенькому двухколесному кабриолету, запряженную гнедой лошастью.

Всю дорогу Дмитрий Сергеевич пытался развлекать Зину шутками, но она, нервно улыбаясь, косилась то на его глад-

ко выбритое лицо, украшенное пышными ржаными усами, то по сторонам, и отвечала односложно; наконец, экипаж остановился подле большого деревянного дома с мезонином. Большая веранда была уставлена кадками с померанцевыми и жасминными деревьями; перед домом была разбита большая клумба, окруженная дорожками, посыпанными песком.

– Прошу вас, – Дмитрий Сергеевич галантно подал Зине руку, и распахнул калитку.

– Митя, ну что ж ты припозднился-то так! – раздался мягкий мужской голос из глубины веранды, – уж и самовар весь простыл, мы тебя к чаю заждались...

– Ничего страшного, мон папа, – отозвался Дмитрий Сергеевич, – тут к госпоже Каплиной гостья приехала, насколько я понял... Зинаида Артемьевна, прошу любить и жаловать... А это мой папенька, Сергей Дмитриевич Протасов...

– Добрый вечер, мсье, – пролепетала Зиночка.

Средних лет мужчина – моложав, чисто выбрит, доброжелательного вида – приблизился к перилам веранды, и склонился вперед, чтобы получше рассмотреть гостью.

– Аншанте, – отозвался он, – милости просим. Может, откушаете с нами чайку?

– Ах, право, неудобно... я же к Варваре Семеновне...

– Мадам Каплина проживает в левом крыле дома, – обернулся к Зине Дмитрий Сергеич, – пойдемте, я отнесу ваш сундучок...

Тут надо отметить, что явлению Зины в поселке Саврасово предшествовали кое-какие события. Дело в том, что она – гувернантка в доме господ Кукушевых – получила письмо от своей богатой тетушки, из которого воистину следовало, что сытый голодного не разумеет.

«Драгоценная моя Зизи! Хочу поделиться с тобой огромной радостью: нам удалось снять дачу в весьма фешенебельном дачном поселке Саврасово – точнее, мы снимаем несколько комнат в шикарном особняке господина Протасова. Ах, тут прелестно – мы выгуливаем наши лучшие туалеты, и сколько же здесь душек военных, особенно когда мы вечером делаем променад на станцию! Мы перевезли из дому рояль; вообрази, Лео возражал против рояля – он уверял, что на природе он жаждет тишины. Но сезон на даче без рояля – это же просто неприлично! С каким трудом мы его дотащили, это уму непостижимо; но теперь Лео еще и требует, чтобы я музицировала, и с ехидным видом вопрошает, зачем же мы везли рояль, если на нем не играть. Ты же знаешь, как я терпеть ненавижу играть на рояле, поэтому очень хочу пригласить тебя провести с нами сезон – зная твою любовь к музыке, я уверена, что рояль не будет стоять без дела.

Соседи у нас премилые, напротив нас снял дачу некий господин Полежаев с женой и детишками – говорят, полицмейстер, но тем не менее, очень приятный человек. Супруга его, Александрина Арнольдовна, иногда заходит к нам на чай со своей старшей дочкой, Верочкой.

Как еще мне тебя убедить, я не знаю, но здесь чудесный сосновый бор, прекрасные купальни в местном озере; через неделю будет большой дачный бал. Соседи делают по вечерам представления с волшебным фонарем; весьма популярны литературные вечера с чтением стихов; сегодня мужик принес ведро раков, и мы их сварили; такое объеденье! Одним словом, мы превесело проводим тут время. Напиши, когда ты приедешь, чтобы Лео мог встретить тебя на станции; целую, обнимаю, твоя тетя Варвара».

Письмо от тетушки Варвары пришло более чем вовремя. Если бы письмо это передали Зинаиде Лосевой еще утром – утром той проклятой субботы – она бы лишь горько посмеялась: разве может бедная гувернантка, наемная служащая, позволить себе дачный отдых? А кто же будет выполнять ее обязанности по воспитанию отпрысков мадам Кукушевой?

Но письмо Зинаиде передали тогда, когда утро уже закончилось. Стрелки часов стремительно приближались к полудню, а сама Зина, стараясь не рыдать, с гордо-презрительным видом шмыгала носом и укладывала вещи. Как жить дальше, она не знала. Ибо только что ей было объявлено, что она уволена из дома мадам Кукушевой, причем без рекомендаций.

– Вас нанимали, сударыня, для воспитания детей, а не для того, чтобы вы пытались соблазнить моего мужа! – отчеканила мадам Кукушева голосом, в котором звенел металл. Гу-

бы ее были строго сжаты в ниточку, глаза же, устремленные на Зиночку, напоминали два револьверных дула в упор.

– Что-с?! – выдохнула Зина, расширив красивые глазки до размера чайного блюдца.

Если бы мадам потрудилась оценить всю меру изумления, написанную на лице Зины, она не могла бы не понять, что обвинение абсолютно не по адресу. Но мадам была слишком была занята своей ролью, именуемой: «Добродетельная жена изгоняет из дома преступную злодейку», и в самоупоеании напоминала глухаря на току. Которого, как известно, в этот момент хоть голыми руками бери, он никого не слышит, кроме себя.

Если уж говорить правду до конца, муж мадам спутался с кухаркой; все улики указывали именно на нее, но увы! мадам была не в силах признать сей факт. Это оскорбило бы ее гордость: как? – ее, даму из хорошего общества, с корсетом и турнюром, с английскими ботинками и французским прононсом, променяли на Маланью Свиныну! Это унижение, после которого только и остается, что с изменившимся лицом бежать к пруду. Который в глубине темной аллеи. Поэтому она предпочитала искать виновницу ее страданий не там, где она была на самом деле, а там, где ей казалось менее унижительно. Поэтому:

– Не смейте отрицать! – взвизгнула мадам, – я не потерплю вранья!

Но и Зина была не совсем уж монастырской белошвейкой;

душа ее вскипела от клеветы. Поняв, что в лице мадам она имеет дело с особой не вполне адекватной, она решилась на импровизированную месть. Отрицать поклеп, на нее взведенный, было бессмысленно, поэтому Зина встала в позу и вскричала патетически:

– Да, мадам! Наша любовь взаимна и благородна! Он любит меня, любит всем сердцем, а вас презирает, он говорил мне об этом тысячу раз! Вы можете изгнать меня из своего дома, но вы не сможете изгнать мой образ из его сердца!

– Как вы смеете, – задыхнулась Кукушева.

– О да! – Зиночка вошла в роль. Вспомнив, что как-то смотрела в театре пьесу Лопе де Вега, она добавила крещендо, – его я всей душою обожаю, а он меня, и нет позора в такой любви!

– Вон!!! – взревела мадам.

Однако, уложивши в чемодан последние вещи, Зина вдруг поникла головушкой. Ее гордая поза сломалась; презрительно-холодное выражение ее лица сменилось совершенно беспомощным, и рухнув на стул, она зарыдала.

И тут в дверь поскреблись.

В дверях стояла горничная Нютка, с вороватым видом.

– Письмецо вам, барышня....

Не поднимая головы от стола, Зиночка сделала рукой лебедя, как бы говоря: ах, я так разочарована в жизни, что мне уже ничего, совсем ничего не нужно!

Нютка же, склонившись к ней, горячо зашептала:

– Да не убивайтесь вы так! Может, ничего еще и не потеряли. Даже наоборот...

– То есть? – подняла голову Зина.

– А то! Через неделю барину наскучит Малашка, и что тогда? он бы к вам полез, и что бы вы стали делать?! Уж лучше сейчас убратся подальше... Вот – выпейте рюмочку, полегче станет.

Хрустальная рюмочка, поданная рукой Нютки, замерцала перед мутным от слез взором Зиначки, подмигнула искоркой...

– Что это? – слабым голосом молвила Зина.

– А это ликерчик, барышня. Из хозяйских запасов. Хозяин ужасно его обожает. Ну, я и подумала – вам лишним не будет...

Зина опасливо понюхала рюмку, пригубила, и, наконец – была не была – выпила всю.

Сразу стало спокойнее на душе. Мир был чудесным, вполне симпатичным, а какие-то мелкие людишки вроде мадам Кукушевой – незначительными, как тараканы. Она посмотрела на Нютку.

Нютка оказалась красавицей. Золотистые волосы, точный носик, милые глаза.

– Нютка, а ты красивая такая, – произнесла Зина не совсем твердым голосом, – ты себя подороже цени, таких красивых мало...

Нютка, заулыбавшись, снова сунула конвертик, пригова-

ривая:

– А письмецо-то прочтите, может в нем что хорошее...

Зина разорвала конверт, прочла письмо, просветлела лицом... и с радостным вскриком бросилась Нютке на шею. Что было для Нютки слегка неожиданно, ибо поперек всяких правил субординации, но в целом вполне приятно.

Для тетушки Варвары появление Зины в обществе Дмитрия оказалось просто шоком.

– Ах, Зизи, – кудахтала она, – я так рада... но что же Лео? Я передала ему твою телеграмму, и он обещал тебя встретить, я думала, он тебя привезет...

– Но его не было, ма тант, – возразила Зиночка, – я попала сюда лишь благодаря любезности Дмитрия Сергеича...

– Ах, благодарю вас, гран мерси, вы так любезны, – тетушка пребывала в смятении, – но что же Лео? Лео! Ах, извините! – и она, бросив Зину и Дмитрия, бросилась искать Лео.

– Ну, не смею вам больше мешать, мадемуазель, – откланялся Дмитрий с игривой улыбкой, – желаю удачи.

Зина уже горько пожалела, что отказалась от приглашения господина Протасова на чай – у нее зародилось подозрение, что у Варвары Семеновны ее чаем с дороги напоить никто не собирается...

Впрочем, она ошиблась. Через полчаса чайный стол на веранде за домом был накрыт. Варвара потратила эти полчаса

на поиски Лео (он нашелся в удаленной беседке в обществе Мими, о коей мы поведаем читателю чуть позже). Затем последовали выяснения отношения с сынком, который уверял свою маман, что он вообще не слышал ни о каком приезде никакой родственницы. Когда его уличили в том, что он все слышал, он стал уверять, что потерял телеграмму и не мог вспомнить, в какой день она приезжает, и наконец, готов был уже признаться, что ему было просто лень, но не успел, ибо:

– Но мадам, ведь она в конце концов благополучно добралась, не так ли?

Эти слова медовым голосом пропела стоящая рядом с Лео девица – та самая Мими, ибо именно так все звали Капитолину Юрьевну Сорочаеву, племянницу хозяина особняка. Видимо, она заглянула к Лео в гости поговорить о политике, а вы что подумали. И, поджав губки, добавила небрежно-назидательным тоном:

– Ну в самом деле, стоит ли так бранить Лео? В конце концов, все живы, правда? Может, пойдем чай пить, кажется, уже самое время?

– Да, конечно, – вздохнула Варвара Степановна. Ей хотелось дать Мими оплеуху, хотелось вышвырнуть ее, как шелудивую кошку, а почему хотелось – она сама не знала.

– И в самом деле – пойдемте на веранду, там уже самовар принесли, – молвила она, думая: «И что я цепляюсь к девушке?».

– И где же тут наша милая Зизи? – воскликнул Лео весь-

ма развязно, заходя на веранду, где уже был накрыт чайный стол.

Зина, стоящая возле кадки с жасмином, спиной к нему, обернулась с грацией пумы. С презрительным вниманием осмотрела его внешность: сочные, яркие губы, а над ними усишки, напоминавшие два закрученных кверху перышка. Смерила его взглядом с головы до ног: нагловатый избалованный красавчик, но мы видали наглецов и понаглее...

– Я предпочла бы, чтобы ко мне обращались «Зинаида Артемьевна», – отвечала она, мило улыбаясь, но ноздри ее раздувались, и весь вид ее говорил, что она не прочь сварить Лео живьем.

– А ты здорово выросла... с того времени, как у нас гостила последний раз, – пробормотал Лео.

– Да, я сильно изменилась, – усмехнулась Зина.

Возникла пауза. И в этой паузе Варваре Семеновне почудилось что-то зловещее, а что – она сама и не поняла...

И когда неделю спустя случилось нечто из ряда вон выходящее – даже рассказывать о таком... это просто неприлично в кругу порядочных людей... Ибо как можно назвать приличным, когда почтенная девица из хорошего семейства пытается отравиться, и мало этого, даже не оставив трогательной записки «Никто меня не понимает...»? – Варвара Степановна сказала себе, что она нечто подобное предвидела, а почему предвидела, она сама не знала – просто атмосфера на даче была какая-то предгрозовая.

Впрочем, не будем торопить события. Ибо неделя еще не прошла, а прелестный, безмятежно-лирический вечер разлит над поселком Саврасово, солнце клонится к закату, и два обитателя протасовской дачи одновременно скребутся перышком, делая записи в дневники. Да-с, дневники в конце 19 века были делом серьезным, как же без этого – социальных сетей еще не изобрели. Итак, запись номер один:

«У меня такое чувство, словно жизнь начинается заново! Из окна моего мезонина прелестный пейзаж, и небо у горизонта напоминает ленту абрикосового шелка, которая струится и опадает.... Это так волнует мою душу!»

И теперь запись номер два:

«Закат утекает за горизонт нежнейшим абрикосовым сиропом, и странное волнение охватывает мою душу! В моем возрасте пора перестать быть романтиком, но почему я снова и снова вспоминаю, как изящно она обернулась и улыбнулась мне напоследок этой тихой, чуть шаловливой, таинственной улыбкой? Эта девушка, что появилась сегодня, так мила и так необыкновенна, что странно заняло сердце, словно обещая перемены...»

Ну и ладно, господа. Перемены так перемены! Спокойной ночи.

Щелчок – удар ракеткой по волану. Еще щелчок. Смех. Волан летит влево, отбила! Еще подача... Наконец, Зина

пропускает удар.

– Ах, Верочка, ты совсем меня загоняла!

Зина, вся красная от жары и усилий, тяжело дыша, вытерла пот со лба, поправила прядь, выбившуюся из прически. Двенадцатилетняя Верочка, не пропустившая ни одной подачи, была свежа как ландыш. Тетя Варвара и ее соседка Алесандрина Арнольдовна Полежаева, сидящие на веранде за чаем, снисходительно наблюдали, как Зина и маленькая Верочка – играют в волан на залитой солнцем песчаной дорожке.

Солнце слепило, легкий ветерок был душистым и благоуханным. От сосен пахло хвоей и янтарной смолой. Но вид у Зиночки был замученный.

– Может, пойдемте в комнаты, вы на рояле сыграете? – в голосе Верочки прозвучало сострадание.

– Ах, пожалуй, – согласилась Зина, – приобняв Верочку за плечи. – Пойдем, душенька, и на рояле поиграем, и чаю спросим. Кстати, я все хотела тебя спросить: ты какие книжки любишь?

– Про сыщиков, – отвечала без запинки Верочка. – А вы любите про Ната Пинкертона?

Дачная жизнь была беспечна и прелестна. Прогулки за грибами в чудесный сосновый бор, варка варенья, купанья, променады на станцию... А вечерами – ноктюрны Шопена – они буквально таяли под пальчиками Зины. Ах, когда в распахнутое окно заглядывает луна, а ночной ветер колышет

занавеску, звуки музыки так притягательны, что на них слетались все – и чудесный спаситель Зиночки Дмитрий Протасов, и его папенька, и застенчивая девушка Лилия – старшая сестра Дмитрия. И даже высокомерная Мими снисходила до того, чтобы посетить соседей и оказать честь трудам Зины.

Но самый бурный интерес к Зинаиде проявил Лео – хотя и не показал этого напрямую. Поскольку Зина сразу же вежливо, но твердо поставила его на место, и проявила к нему холодность, он был оскорблен в лучших чувствах. Не к такому приему у девушек привык избалованный красавчик; а раз так, то проучить Зину, то есть влюбить в себя, а затем оттолкнуть и насладиться ее отчаянием – вот чего он жаждал всей своей самолюбивой душой. Для начала он решил вселить в душу Зины если не ревность, то, по крайней мере, зависть, показав, что он оказывает внимание всем девушкам в доме, кроме нее; он стал демонстративно внимателен к Мими и Лилечке. Увы! На его прекрасные военные хитрости Зина смотрела примерно так же, как на ухаживания дворника Фомы за кухаркой Глашкой, то есть никак. Лео клялся сам себе, что он таки своего добьется – но задача пока представлялась ему неразрешимой.

Зато обе девицы – и Мими и Лилечка – получив увесистую порцию внимания от дачного красавчика, сразу же вообразили себя – каждая – избранницей Лео. Каждая уже видела себя в модной фате под венцом, мешало только наличие соперницы.

Бедняжка Лили, кроткий ангел, робея перед Капитолиной, стала ловить Лео по всем углам сада, затаскивать его за руку в беседку, и спрашивать со слезами в голосе:

– Но ты ведь любишь меня, а не ее? Поклянись! Зачем ты меня мучаешь, ах, как ты меня мучаешь! Скажи мне хоть слово...

Дачный сад был напоен свежестью и солнечными бликами, дорожки то и дело перебегали лимонные трясогузки, мило раскачивая хвостиками; порхали оранжевые бабочки, гудели пышные тяжелые шмели – но что за дело было бедной Лилечке до этого великолепия русского лета. Все, все, весь мир сосредоточился для нее на лихо завитых кверху усишках томного брюнета.

Не таков был характер Мими. Она решила применить военную хитрость, внушив противнику, что ее силы намного больше, чем на самом деле. Она притворялась, будто празднует победу – и над Лили, и над миром вообще. Губы ее были плотно сжаты в высокомерно-ехидную ухмылочку, глаза смотрели на весь мир с победоносным выражением, словно ей известна какая-то важная новость, которую она вот-вот огласит – к своему торжеству и к позору соперницы. Этот взгляд победительницы заставлял Лили подозревать наихудшее: что Лео уже сделал Мими предложение, что уже назначен день свадьбы, и так далее.

В итоге, бедный Лео был вынужден клясться по очереди в вечной любви обеим дамам, с огорчением замечая, что в

отношении Зины он не продвинулся ни на шаг; но почему?! он начал подозревать соперника.

Соперник, впрочем, и не думал таиться. Дмитрий Сергеевич, он же Митенька, проявлял к Зине самый простодушный интерес. Зина была с ним мила, но не более того. Митенька тоже начал подозревать соперника.

И пока соперники подозревали друг друга, они в упор не видели – кем на самом деле были заняты душа и разум Зиночки. А меж тем, ответ был на поверхности. Она всеми силами стремилась очаровать... Верочку. Потому что, уважаемые господа, поймите правильно: дачный сезон кончится, и куда потом идти бедной Зине? А тут – Алесандрина Арнольдовна Полежаева, с кучей детей, так почему бы не попытаться произвести на нее приятное впечатление? Немного усилий – и она пригласит Зину к себе в качестве гувернантки. А ключ к сердцу матери лежит через симпатию ребенка. И потому Зиночка усердно старалась понравиться Верочке, угождая ей всеми способами, и попутно разбивая мужские сердца жестокой холодностью. Какое коварство! – воскликнет читатель и будет прав.

Между делом, Зиночка обживала свой маленький мезонин. По сравнению с другими комнатами он являл собой верх скромности, как и назначено быть комнатке бедной родственницы. Узкая кровать с железной спинкой, потертый комодик, букетик лесных цветочков в копеечной вазочке, старый письменный стол – и тем не менее, ей было там хоро-

шо и уютно. Стены комнатки были обклеены теплыми желтенькими обоями с рисуночком в виде веночков, и, просыпаясь, Зина с блаженством рассматривала каждый листочек на этих веночках, припоминая, что она больше не задёрганная, вечно вытянутая в струночку прислуга в доме Кукушевых, а вольная птица. Едва вскочивши с постели, бежала она распахнуть окно, впуская в комнату зелень, золото и лазурь летнего утра. Умывшись, она спускалась к завтраку по «правой» лестнице. Тут надобно заметить, что наверх вели две лестницы – левая, с «господской» веранды (которой Зина никогда не пользовалась, ибо на веранде Протасовых, как она считала, ей делать нечего) – и правая, с веранды арендаторов. Озирая сад с высоты, Зина чувствовала себя в безопасности: я высоко, высоко-ooo! Никакие враги меня тут не достанут!

Но уже приближался день Большого дачного бала. Горничные сбивались с ног, крахмаля нижние юбки, разглаживая блонды... Да-с, вот была жизнь в 19 веке на дачах, это вам не кабачки собирать...

Одеться на бал Зине, было, в сущности, не во что. Но поверх простенького белого платья Зина накинула кружевную пелеринку, одолженную для такого случая у Варвары Степановны, заколола ее тетиной же дешевой брошкой – а остальное сделали ее молодость и внешность.

Итак – очаровательную Зиночку приглашали наперебой –

и случайные кавалеры, и Митя, и даже Митин папенька почтительнейше пригласил Зину на тур вальса. Зина не отказывала никому, но стоило к ней подойти Лео, как она с нехорошей улыбкой отвечала:

– Сожалею, у меня уже все танцы расписаны.

И тут...

Перед Зиной, как дурной сон наяву, возник ни кто иной, как сам господин Кукушев – волосы напояжены бриолином, щеголеватый фрак с пикейным жилетом – и с нагло-почтительной улыбкой пригласил Зиночку на мазурку.

– Вы?! – только и могла выдохнуть Зина, глядя на него во все глаза: вот же привидение из кошмарного прошлого!

Вообще-то, Зиночке следовало бы ему отказать. Ведь именно сомнительные похождения Кукушева стали причиной ее неприятностей. Есть такие люди, от которых неприятностями можно заразиться, как гриппом.

Но юность снисходительна к слабостям других; Зина решила, что господин Кукушев ничем, в сущности, не был перед нею виноват. Тем более, тут уже наготове стоял Лео, с коим танцевать она не хотела категорически – зыркнув глазами на своего кузена, она протянула Кукушеву руку.

– Каким образом вы тут? – спросила Зина, выделявая мазурочные па.

– Я здесь только ради вас, – пылко отвечал Кукушев, и добавил низким страстным голосом, – моя дорогая, моя дра-

гоценная!

– Простите, не поняла, – изумилась Зиночка.

– Но как же... вы же сами сказали тогда моей супруге – простите, я слышал ваш разговор! Вы сказали ей, что любите меня, и что я должен был думать?

– Вы слышали этот разговор? – не поверила своим ушам Зиночка. – А вмешаться и отстоять мою честь вы не подумали?

– Да что вы, мою супругу не знаете, – резонно возразил Кукушев, – она бы все равно не поверила. А после того, что вы сказали, что меня любите, я был в таких чувствах... уж и не знал, что и думать.

– А может, я ей это сказала просто назло, чтобы ей отомстить за увольнение?

– Подумал сначала, конечно – но потом, когда получил от вас письмо...

– Письмо?! – изумилась Зиночка.

– Ну да... Письмо, от вас. Такое, полное страсти, я тронут...

– Но я не писала никакого письма!

– Вы шутите... Письмо пришло от вас, откуда бы я иначе узнал ваш адрес?

– Ничего не понимаю... Но я не писала, клянусь...

– Но как же... Поверьте, я храню его как драгоценность!

– Но я не...

– Я так проникся каждой строчкой!

– Вы мне его покажете по окончании танца!

– Но у меня его с собой нет.

– Ах, нет? Может, его и вовсе нет?

– Еще как есть. Не отпирайтесь, душенька – «Вы мне писали», как сказал Онегин...

– Нет, но я... я хочу его видеть!

– Если вы мне позволите, я навещу вас вечером и предьявлю его; и тогда... Вы где проживаете?

– У господина Протасова... Сергея Дмитриевича.

– Что вы говорите?! У него тут дача? Сегодня вечер совпадений.

– Вы ему знакомы?!

– Помилуйте, в одной гимназии учились... мир тесен!

– Отлично. А раз уж танец кончился – проводите меня к нему, вот он, там стоит – я ему обещала вальс.

Кукушев оглянулся, а затем подвел Зиночку к Протасову, стоящему рядом с Мими и Лео.

– Добрый вечер, старина! Мир тесен! Представь себе: встретил вот свою знакомую, она в нашем доме гувернанткой служила... А Зинаида Артемьевна мне и говорит, что остановилась на твоей даче, дружище! Ха!

Весь вечер Митя смотрел на то, как Зина купается в мужском внимании. Успех так ободрил Зиночку, что она – румяная, с блестящими глазами – была чудо как хороша. К концу вечера Митя уверился, что Зина нравится не только ему, но и многим прочим тоже; это сильно возвысило Зиночку в его

глазах.

Надобно заметить, Митя принадлежал к числу тех молодых людей, которому непременно надо было смотреть на девушку сквозь призму одобрения или неодобрения ее общественностью. Сама по себе Зиночка, милая и простая, не могла бы стать предметом его серьезного мужского интереса. Зиночка, окруженная флером всеобщего восхищения – это другое дело.

По возвращении домой он решил.

И, пригласив Зину пройти по вечернему саду, он завел ее в беседку для серьезного разговора.

– Вы, наверное, уже поняли, как обстоят дела, – начал он глухим от волнения голосом.

Зина изобразила на лице искреннее удивление.

– Признаться, я не совсем понимаю, о чем вы, – пролепетала она, – но продолжайте, прошу вас.

– Я... короче... вы не могли не заметить, что я к вам неравнодушен, – проямлил Митя.

Зина замялась, не зная, что и сказать.

Влюблена она не была, но как всякая разумная девушка, она была в душе Афродитой-охотницей, и, согласитесь, глупо сопротивляться, когда в твои силки лезет такая крупная и упитанная добыча.

– Это... несколько неожиданно... но очень приятно, – промолвила она. – Но я стесняюсь спросить... я девушка порядочная, и вы сами понимаете... Должна ли я понимать так,

что вы... если вы говорите, что любите меня... собираетесь ли вы на мне жениться?

На последней фразе голос ее зазвенел, а в душе запели скрипки. Господи, избавиться от постылой жизни у чужих людей... не ждать с ужасом, заплатят они ей или не заплатят? Не ломать голову над тем, как еще явиться без рекомендаций?! Неужели милостивая судьба решила избавить ее от всего этого?!

– Да, у меня серьезные намерения... Но вы видите, я военный, а военным нельзя жениться, если они... ну вы же знаете, что такое реверс? Это сумма на пять тысяч рублей в банке, которая приносила бы доход в 300 рублей, и если у меня нет такого дохода... если я не могу предъявить начальству этой суммы, то мне жениться не разрешат. А я беден, и ... в общем, мне нечего вам предложить, кроме помолвки... и увы, на неопределенный срок...

Зиночка потупилась. Подумать только! На целых несколько секунд перед ней уже мелькнула возможность спокойной жизни – и тут же исчезла.

– Я постараюсь найти деньги! – пылко воскликнул Дмитрий Сергеевич. – И через несколько лет...

Зина молчала.

– Вы мне отказываете?

– Нет, но... послушайте. Если бы вы предложили мне завтра к венцу, я бы сказала «да», без колебаний. А так...

– Мы будем вместе ждать! – вскричал ее кавалер.

Зиночка была в полном замешательстве. Щеки ее пылали, она хотела что-то ответить, но что? У нее было ощущение, что ее втягивают в какой-то обман – но, может, это ощущение ложное? Сказать ли да? Сказать нет? Она понимала, что ей по сути предлагают отказаться от всех других мужчин, всех возможных выгодных предложений, и ради чего?! ради неопределенности! Ради смутной возможности что-то получить после дождичка в четверг...

Она прокашлялась, и заговорила – точнее прошелестела – полуслышным от волнения шепотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.